

У Курманджан-датхи

Е. Л. Марков. Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. — СПб., 1901.

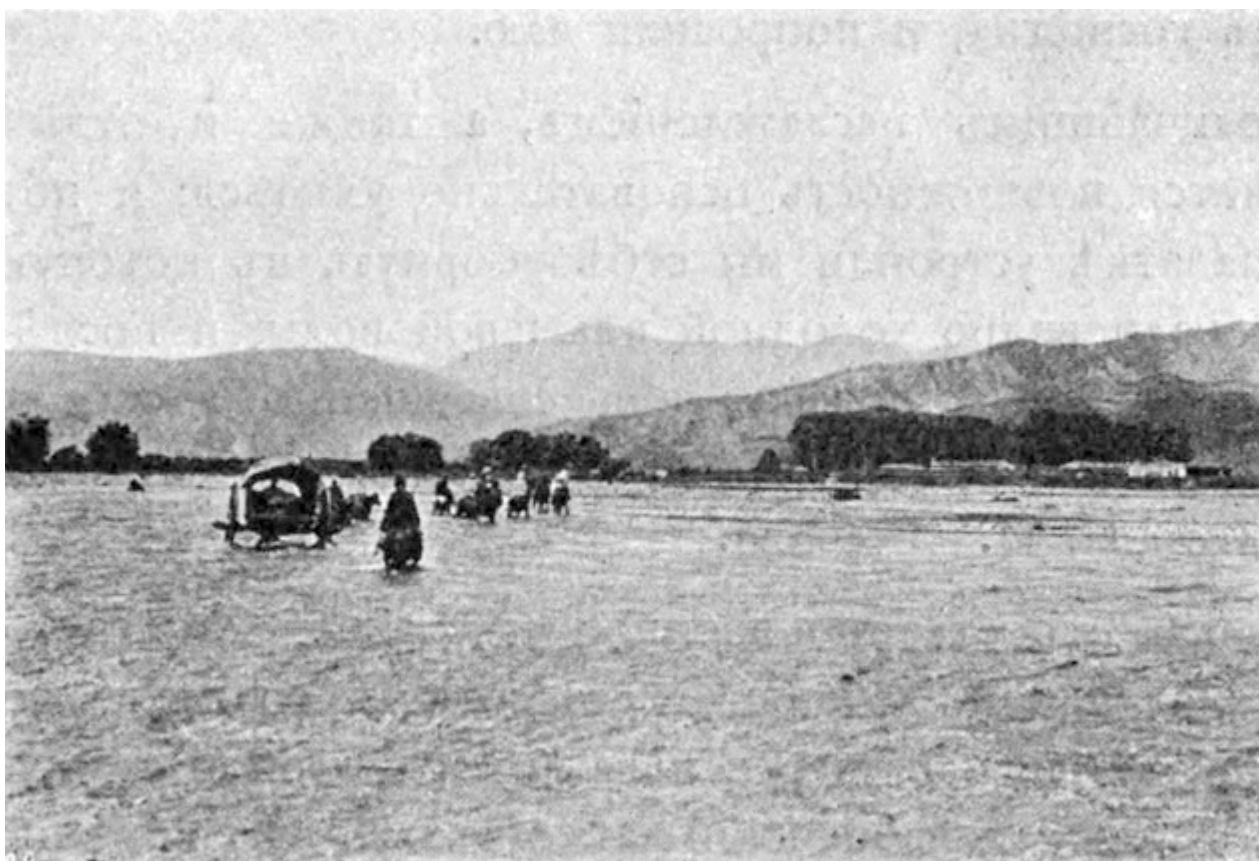
Курманджан-датха. Экспедиция К. Г. Маннергейма, 1906

За три версты до Гульчи встретил нас верхом толстый и важный Мухамед-бек, сын знаменитой в этих местах киргизской ханши, или по-здешнему «датхи», которую кара-киргизы Алая считают своего рода вождем всего их кочевого племени.

Датха эта была почти независимою владельницею во времена кокандских ханов, и хотя муж ее получил свое звание бека от Худояр-хана, но эта ханская инвеститура была скорее условием приличия, чем действительным правом хана, так как алайские киргизы высоко чтили родовитую «белую кость» своих беков и беспрекословно шли за ними, куда они их вели, даже без освящения их прав ханскою властью. Все кокандское ханство уже покорилось русскому воинству, все кокандские города и крепости давно были взяты, когда смелая датха с своими удалыми сыновьями подняла свои горные кочевья против русской армии. Она отчаянно билась с Скобелевым на недоступных кручах Малого Алая, и недалеко от Гульчи произошла решительная битва при Ягни-Кургане [При Янги-Арыке. — rus_turk.], в которой были окончательно сокрушены шайки киргизской воительницы. Сыновья датхи бежали в Кашгар, и она покорилась необоримой силе. Русские отнеслись к храброй киргизке с подобающим уважением, не тронули ее богатств и

позволили вернуться в Россию всем ее сыновьям. Только старший сын ее, Абдула-бек, наследник родовых прав своего отца, не захотел вернуться и умер в изгнании. Теперь сыновья датхи волостными правителями в разных соседних местностях, и датха продолжает оказывать на кочевников прежнее влияние.

Курносый Мухамед-бек, красный и сияющий от сала, будто самовар сбитенщика, с медалью волостного старшины на шее, присоединился к нам вместе с пятью своими джигитами, так что из нас составилась целый отряд в 16-ть человек. Мухамед привез с собою и крытую арбу, — так называемую «коккане», высочайшие колеса которой, кажется, могут переехать посуху всякую реку. Это было совершенно необходимо, потому что нужно было несколько раз переехать капризно змеившееся русло Гульчи, чтобы добраться до кочевья датхи. А дожди и таявшие снега обратили теперь Гульчу в очень опасную, шумную и широкую реку, которая с явною угрозою крутилась своими водоворотами среди нанесенных ею же мелких камней и болотистых лугов.

Переправа через р. Гульчу

Кавалькада наша живописно растянулась по долине, торопясь до вечера совершить далеко не легкую переправу. Киргизы, пригнувшись к седлу, обгоняли нас отчаянной скачкой, чтобы успеть до нашего прибытия нащупать брод помельче и подтвердить. Вот наконец нас пересаживают в арбу, убранный коврами; уродина-киргиз с засученными до колен как солонина красными ногами, равнодушный и спокойный, будто дело вовсе его не касается, сидит верхом на здоровой, выдавшей вида лошади, уставив на оглобли свои босые ноги. Строго говоря, арба и есть эти две широко раздвинутые оглобли,

приделанные к оси двух громадных колесищ с набитыми на задних концах оглобель дощечками для сиденья. В лучших случаях вместо дощечек прибит к оглоблям целый ящик, прикрытый от солнца круглым войлочным навесом. Назад и вперед вы можете падать сколько угодно, потому что арба прикрыта кибиткою только с боков; поэтому при спуске вниз вы невольно ползете на хвост лошади, а при подъеме в гору то и дело катитесь назад. Но самое ужасное в этом поистине азиатском экипаже — это то, что каждый случайный камень дороги, каждый неловкий шаг лошади в ту же минуту отзывается и на ваших несчастных ребрах. Арба поминутно рывом рвет ваши мускулы и как в ступе толчет все ваши суставчики.

Г<лушановск>ий остался, однако, на седле, надеясь на своего лихого конька и на свои высокие охотничьи сапоги.

С шумом и брызгами въехали мы в бурные волны Гульчи и осторожно потянулись по брюхо в воде вслед за передовыми джигитами, сновавшими туда и сюда, чтобы выбрать для нас более безопасную дорогу.

Здесь присоединился к нам еще и другой сын датхи, Хасан-бек, такой же здоровенный и закаленный толстяк, как и его брат Махмуд. Мы то переезжали поперек бесчисленные рукава Гульчи, выбираясь из них на отмели, шуршавшие под колесами арбы своими сухими голышами, то двигались вдоль по речке на встречу ее бешеному течению, пока не приходилось поворачивать куда-нибудь на берег. Местами арба уходила так глубоко в реку, что сквозь плохо сбитые дощечки ее сиденья плескала к нам вода.

Возница наш почти все время был по колена в воде, и если бы не опытная лошадь, давно привыкшая к таким мытарствам, наша арба не раз бы могла перевернуться на бок среди течения и под неистовым напором горной речки, и от огромных камней на дне ее, на которые то и дело натыкались колеса.

Волнение, охватившее мою спутницу во время этого томительного плаванья на колесах, этого долгого и медленного перепалзывания с одного не видного глазу камня на другой, усиливалось еще быстро надвигавшеюся темнотою вечера. Тучи не расходились, а сгущались все больше над нами, совсем уже закутав своими серыми хлопьями окрестные горы и обратив волшебным образом живописную картину горных далей, которою мы недавно любовались, в самый прозаический и унылый осенний пейзаж какой-нибудь безотрадной Новгородской губернии. Дождь то чуть накрапывал, то поливал нас будто сквозь мелкое сито, и не прибавлял, конечно, нам особенного веселья. Могло легко случиться, что мы не успеем засветло выбраться из этой коварной речки, опутавшей нас со всех сторон своими змеиными петлями и не дававшей нам никуда выхода. А ехать по ней в темноте — это, вернее верного, опрокидываться на каждом шагу.

Но, слава Богу, мы выбрались благополучно на берег, пока еще брезжил кое-как свет сумерек.

Арба остановилась среди целого становища кибиток, разбитых на самом берегу Гульчи, в уютной пазухе слегка отодвинувшихся гор.

Это был аул датхи.

Нас тут ждали, и для нас были разбиты парадные шатры.

Белая войлочная кибитка, расшитая красными узорами и обвязанная красными тесьмами и убранная внутри коврами, была поставлена недалеко от другого белого шатра самой датхи для ночлега наших дам.

В нескольких шагах от нее приготовлен был просторный шатер для столовой, а еще дальше наша кибитка — спальня.

Вход в столовую был широко раздвинут на обе стороны наподобие ширм, так что снаружи можно было хорошо видеть все, что делалось в шатре. Полотняная наружная покрывка его была подбита всякими яркими и пестрыми материями, одрясом и ситцем, с нашитыми на них фигурами других цветов. Стол накрыт был по-русски скатертью и вокруг стола стояли стулья. На огромном подносе ждал нас обильный дастархан, — фисташки, миндаль, изюм, урюк, разные слоеные пирожные вроде нашего старинного хворостика, лепешечки и всякие мелкие сдобные печенья, колечки из леденца, — и вдобавок ко всему чай и сахар, которыми мы почти исключительно и занялись.

После дастархана появился такой же сытный ужин: отличный плов с разными душистыми снадобьями, кавардак (мелко резаная жареная баранина с салом) и бараньи кишки, начиненные чем-то вкусным.

Киргизы все время почтительно оставались на дворе, следя издали за странными для них обычаями русских, и даже Мухамед-бек с братом не смели входить в шатер, где восседало за трапезою их начальство; прислуживали нам наши джигиты, которым киргизы передавали блюда.

После ужина наших дам пригласили к датхе. В белой кибитке ее, заставленной сундуками, заваленной матрацами и подушками, был приготовлен такой же дастархан. Сама датха беседовала с ними через джигита-переводчика, сидя на полу, на ковре между двух больших медных подсвечников с сальными свечками. Низенькие поддонники этих подсвечников — величиною в доброе блюдо. Нам тоже принесли потом в спальню такие оригинальные подсвечники.

Киргизские беки, очевидно, хотели поразить нас своею цивилизацией. В кибитке нашей оказались кровати, посланные совсем так, как стелют у нас, с матрацами и канаусовыми одеялами. Это было несколько огорчительно для фантазии художника, мечтавшего, что он заехал на самый край света, Бог знает в какую дикую дичь, но зато очень отрадно для разбитых косточек бедного путешественника.

Я подробно осмотрел искусное устройство киргизской кибитки. Снаружи она вся плотно укрыта войлоками, увязанными тесьмою, под войлоками идут таким же

сплошным кольцом кругом всех стен сплетенные из тростника барданки, а под барданками целая сеть гнутых деревянных дуг, ловко прикрученных друг к другу и составляющих остов кибитки.

Впрочем, в наших кибитках остов этот прикрыт обоями своего рода: куски одряса, ситца и всяких пестрых туземных материй висят на стенах, между тем как полы устланы коврами и войлоками.

Вверху кибитки, как раз посредине ее, широкое круглое отверстие для выхода дыма и для очищения воздуха. На ночь или в дождливую холодную погоду отверстие это, которое киргизы называют «*тjундюк*», закрывается войлочною полостью, к углам которой привязаны четыре веревки и которую поэтому всегда можно отдернуть снизу с той или другой стороны, смотря по направлению ветра.

Мы отлично выспались на кроватях киргизской кибитки. Гульча всю ночь напевала нам свои бурные песни, убаюкивая нас, как сердитая нянька. Этот несмолкавший рев горной речки казался мне сквозь сон шумом ливня, целую ночь разражавшегося над нами.

Встали мы ярким и ясным утром и, напившись чаю, вышли посмотреть на окрестность.

В тихом береговом ущелье царствовала удивительная тишина. Влажный воздух дышал теплом и ароматами весенних трав. Лошади на приколах, не расседланные во всю ночь, мирно фыркали, отдуваясь от сочного корма. Киргизы бесшумно бродили между разбросанных по берегу кибиток, занятые разною домашнею суетою утреннего часа.

Несколько поодаль от становища датхи и ее домочадцев торчали на почтительном расстоянии, как гнезда огромных черных грибов, кибитки киргизского аула. За аулом, как раз против восходившего солнца, на зеленом ковре береговой низины паслись стада верблюдов, характерно вырезаясь на ярком фоне травы своими угловатыми громоздкими силуэтами.

Горы, надвинувшиеся на это мирное ущелье, были освещены в упор лучами восходившего солнца, и на них можно было разглядеть теперь, несмотря на расстояние, каждый камушек, каждый мелкий кустик.

Киргизские зимовники, забравшиеся на плоские макушки этих горных громад, смотрели оттуда настоящими саклями Дагестана. Еще выше их, на головокружительных кручах, виднелись крошечные, как мухи, пасущиеся лошади.

Между тем датха прислала сыновей просить нас к себе. Нам и самим необходимо было поблагодарить ее за гостеприимство, как главную хозяйку кочевья.

Она встретила нас около своей кибитки.

Датха — женщина уже очень старая, но высокого роста, костистая и сильная как мужчина, строгого и твердого взгляда. Монгольская кровь ее резко проглядывала и в

желто-смуглом цвете ее лица, и в грубости его черт, крупных, широких, слегка приплюснутых, с явным преобладанием скул, челюстей и носа, всего того вообще, что бывает сильно развито у хищных животных — над более человеческую область глаз и чела...

По эстетическим понятиям киргиза, такое лицо и такой цвет лица именно и составляют верх красоты.

«Недаром Бог сотворил монгола с выдавшимися скулами; Он уподобил его этим лошади, — а лошадь венец создания!» — с наивною искренностью говорят эти степные наездники, которые рождаются и живут на лошади, и, можно сказать, срослись с нею в одно существо, как кентавры греческой мифологии, несомненно списанные с натуры с таких же точно кочевников азиатских пустынь.

Датха стояла перед нами в зеленом шелковом халате по пятки, с меховой опушкой, в высоком тюрбане из белого шелка, обвязанном концами кругом всего ее лица.

Обвязка эта называется по-киргизски «джаулук», а шапочка, вокруг которой она навертывается наподобие чалмы, называется «кимечек». Сверху девушки спускают еще шелковую фату (джелек), но старуха властительного рода не считала нужным прибегать к этому прикрытию, принимая у себя иноземцев.

Оба сына ее, тоже одетые в парадные шелковые халаты, стояли по бокам датхи.

Когда мы с Г<лушановски>м приблизились к ней, датха приветливо протянула нам обе свои руки, предварительно обернув их, однако, концом красного шерстяного платка. Делала ли она это из особенного уважения к нам или, напротив того, предохраняла свои правозверные длани от нечистого прикосновения гяуров, насланных гневом Аллаха на ее кочевье, этого мы с Г<лушановски>м так и не решили.

Мы тем не менее тоже подали ей каждый по две руки, даже и не завертывая их ни во что, желая выразить наиболее киргизским способом свое нарочитое почтение к именитой киргизской воительнице.

— Передайте вашей достоуважаемой матушке, что мы пришли поблагодарить ее от всего сердца за ее любезное гостеприимство и извиниться, что причинили ей столько беспокойства... — попросили мы перевести по-киргизски толстого Мухамед-бека.

Старуха, не поднимая глаз и сохраняя свой величественный вид, ответила нам через него:

— Прошу извинить, что в нашем бедном кочевье мы не можем принять и угостить вас так, как бы подобало для таких высоких гостей... Хорошо ли вы спали? покойно ли вам было?

— Благодарим вас очень; мы спали превосходно, у вас в кибитках летом еще приятнее спать, чем в наших городских домах.

— Простите, чем богаты, тем и рады, — отвечала через сына датха. — После больших городов, в которых вы живете, здесь у нас, должно быть, показалось вам очень нехорошо... Прошу вас сделать мне честь — войти в мою кибитку.

Она распахнула войлок своей кибитки и властным движением руки пригласила нас войти.

Мы уселись налево, на ковре, она направо, против нас, на меховой шкуре. Два сына тоже вошли с нами, но не сели, а стали по сторонам матери...

Кибитка была, по-видимому, нарочно убрана по-праздничному к нашему приходу. Везде развешаны были разноцветные атласные покрывала, ковры, обделанные в бархатные рамки. Пол был тоже устлан новыми коврами и мехами. По стенкам стояли оригинальные кожаные сундуки с кожаными же на них рисунками местной работы, сложены были опрятными ярусами матрацы, подушки, шелковые одеяла.

Около датхи очутились откуда-то два глазастые черномазые мальчугана в халатиках.

— Старший сын мой Батыр-бек живет не со мною, далеко отсюда, а это мои внуки, — сказала нам датха. С одним из них у нас большое горе. У него растет кривая нога, и никто здесь не может его вылечить...

— Вы бы повезли его в Ташкент или хоть бы в Маргелан; там есть хорошие доктора, — посоветовали мы.

— Мне говорили, что нужно везти в Москву, что только там могут его вылечить. Правда ли это? И ведь это очень далеко?

— В Москве, конечно, отлично вылечат, только это действительно очень далеко, — сказал я. Вот я с женою еду теперь из Москвы. Чтоб только доехать оттуда сюда, нужно ехать не останавливаясь целых три недели.

— О, это слишком далеко, нам нельзя об этом думать. А зачем вы сами приехали сюда из таких далеких мест?

— Хотели посмотреть на здешний народ. Слышали, что киргизы храбрые и честные люди, и что они верно служат нашему царю.

— Да, это правда. Мы прежде воевали с Белым царем, а теперь его верные слуги. Мы благодарим его, что он не обижает киргизов, оставил нам наши земли и стада и забыл нашу вину. Белый царь ведь живет в Москве?

— В Москве и в Петербурге; у него много городов и много дворцов.

— Белый царь самый большой царь, сильнее и богаче его нет никого. Мы это знаем, — подтвердила датха.

Когда мы встали, чтоб проститься, она подала знак сыну, и он принес ей какой-то сверток.

— По нашим обычаям, дорогих гостей дарят чем Бог послал, — сказала датха, подходя ко мне. У нас, киргизов, нет никаких хороших вещей, а примите от меня на память этот мех. Это дети мои убили здесь в горах.

Она подала мне при этом две мягко выделанные шкуры горной рыси.

— А вот это передайте вашей жене! — прибавила она, вручая мне еще две связанные головками куньи шкурки.

Я поблагодарил киргизскую ханшу, извиняясь, что нахожусь тут случайно в пути и прошу уней позволения прислать ей свой подарок из Оша с ее сыном.

Возвратясь в Ош, я действительно купил для нее парчовый халат и отослал ей в Гультчу через обязательного Н. Г. Г<лушановско>го.

Курбан-Джан-датха с сыном Хасан-беком. Слуга держит родовую шашку, пожалованную ханом